

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.20>

UDC 377.18-057.876(47+57)(09)

LBC Ч446.043В6+Ч446.3(2)

Submitted: 07.10.2024

Accepted: 19.12.2024

“INFORMAL PORTRAIT” OF STUDENTS OF STATE LABOR RESERVES IN THE 1940–1950s: AN ATTEMPT AT TYPOLOGY

Sergey L. Razinkov

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Tatiana A. Zaglodina

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation

Marina B. Larionova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The creation of the USSR state labor reserves in 1940 was accompanied by the formation of a specific socio-cultural environment, which remains virtually unstudied to date. Formed artificially, with the use of paramilitary training, it contributed to the activation of subcultural manifestations in the pupils' environment. At the same time, many elements of subculture were far from the ideal, “parade” image of a student, officially formed by the system of labor reserves. The purpose of the article is to characterize the types of “non-parochiality” based on the identification and systematization in the form of a model of sustainable behavioral practices and worldviews of students that deviate from the norms, values, and institutional expectations of the labor pool system. *Methods and materials.* The work is based on the analysis of a wide range of sources (from official documentation of central and regional labor reserves administration to imaginative literature), allowing us to reconstruct the types of deviant behavior of students (primarily, from the Sverdlovsk region). The methodological basis for studying the manifestations of “informal behavior” of students is the theory of subcultural worldview. *Analysis.* The main result of the study is the model of “non-parade portrait” containing 15 types of students’ “non-parade,” systematized by six vectors of deviation of their behavioral practices and values from the ideal patterns of behavior on the basis of a level deviation scale. Such types as “criminal,” “hooligan,” “mischief-maker,” “truant,” “slob,” and “nonconformist” are characterized in detail. *Results.* The article presents for the first time a holistic design of the socio-cultural image of students of labor reserves in the Sverdlovsk region in the 1940s–1950s in the optics of “nonconformity.” The results of the study can be used in the study of everyday practices, cultural values, and socio-cultural images of students in the Soviet period. *Authors' contributions.* S.L. Razinkov: formation of the goals and objectives of the study, definition of methodology, and formation of the structure of the socio-cultural image of the student. T.A. Zaglodina: processing and interpretation of the obtained data, text structuring, and addition of the manuscript text. M.B. Larionova: discussion of the research results and interpretation of the obtained data. *Funding.* The article was financially supported by the RNF grant, project No. 23-28-01065, “Unparade Portrait” of Danila Kuzmich: the potential for renewal of the State Labor Reserves system in the subculture of students (1940s–1950s).

Key words: state labor reserves, Sverdlovsk region, vocational schools, FZO schools, socio-cultural image of students, delinquency, truant, nonconformist.

Citation. Razinkov S.L., Zaglodina T.A., Larionova M.B. “Informal Portrait” of Students of State Labor Reserves in the 1940–1950s: An Attempt at Typology. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 225–237. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.20>

**«НЕПАРАДНЫЙ ПОРТРЕТ» УЧАЩИХСЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ В 1940–1950-е гг.:
ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ**

Сергей Львович Разинков

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Татьяна Алексеевна Заглодина

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Марина Бариевна Ларионова

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Создание в 1940 г. государственных трудовых резервов СССР сопровождалось формированием специфической социокультурной среды, которая до настоящего времени остается практически неизученной. Формируемая искусственно, с использованием полувоенизированной подготовки, она способствовала активизации субкультурных проявлений в ученической среде. При этом многие элементы субкультуры были далеки от идеального, «парадного» образа учащегося, официально формируемого системой трудовых резервов. Целью статьи является характеристика типов «непарадности» на основе идентификации и систематизации в виде модели устойчивых поведенческих практик и мировоззрения учащихся, отклоняющихся от норм, ценностей и институциональных ожиданий системы трудовых резервов. *Методы и материалы.* Работа основана на анализе широкого круга источников (от официальной делопроизводственной документации центральных и региональных органов управления трудовыми резервами до художественной литературы), позволяющих реконструировать типы девиантного поведения учащихся. Методологической основой исследования проявлений «непарадности» учащихся выступает теория субкультурного мировоззрения, которая рассматривает субкультуру как мировоззренческую структуру и классифицирует степень ее альтернативности (или экстремальности), исходя из сформированности / несформированности системы ценностей, ощущений и восприятий в социальной группе. *Анализ.* Основным результатом исследования является модель «непарадного портрета», содержащая 15 типов «непарадности» учащихся, систематизированных по шести векторам девиации их поведенческих практик и ценностей от идеальных образцов поведения на основе уровневой шкалы отклонения. В работе подробно охарактеризованы такие типы, как уголовник, хулиган, озорник, прогульщик, неряха и нонконформист. *Результаты.* В статье впервые представлена целостная модель социально-культурного облика учащихся учебных заведений трудовых резервов Свердловской области в 1940–1950-е гг. в оптике «непарадности». Результаты исследования могут использоваться при изучении повседневных практик, культурных ценностей, социокультурного облика учащейся молодежи в советский период. *Вклад авторов.* С.Л. Разинков – формирование целей и задач исследования, а также структуры социально-культурного облика учащегося, определение методологии. Т.А. Заглодина – обработка и интерпретация полученных данных, структурирование текста. М.Б. Ларионова – обсуждение результатов исследования, интерпретация полученных данных. *Финансирование.* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 23-28-01065 «Непарадный портрет» Даниила Кузьмича: потенциал обновления системы Государственных трудовых резервов в субкультуре учащихся (1940–1950-е гг.).

Ключевые слова: государственные трудовые резервы, Свердловская область, ремесленные училища, школы фабрично-заводского обучения, социокультурный облик учащихся, преступность, прогульщик, нонконформист.

Цитирование. Разинков С. Л., Заглодина Т. А., Ларионова М. Б. «Непарадный портрет» учащихся государственных трудовых резервов в 1940–1950-е гг.: опыт типологизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 225–237. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.20>

Введение. Создание в 1940 г. государственных трудовых резервов как масштабной централизованной системы подготовки квалифицированных рабочих для ведущих отраслей экономики, в высокой степени базирующейся на принудительной мобилизации и полном государственном обеспечении учащихся, привело к формированию в учебных заведениях профтехобразования специфической социокультурной среды. Эта система искусственно объединяла жесткой полувоенной организацией представителей разных социальных групп, с различным жизненным укладом и личностными представлениями, вынужденных вместе сосуществовать на протяжении длительного периода времени. Установленные и культивируемые в системе государственных трудовых резервов правила поведения, нормы, традиции привели к формированию идеального, «парадного» портрета учащегося, транслируемого официальными источниками (в котором нами выделяются четыре «метаобраза» – патриот, герой труда, отличник учебы и достойный человек).

Вместе с тем реальные условия жизни в учебных заведениях были далеки от идеальных, а сами ученики не представляли собой однородной и унифицированной группы с точки зрения поведения и мировоззрения, что способствовало формированию «непарадного портрета» учащихся.

«Непарадный портрет» в данной работе рассматривается не только с точки зрения девиации, отступления от существующих в советском обществе социальных (правовых и нравственных) норм, но скорее как отклонение от идеального образа – «парадного портрета», то есть в контексте устойчивых поведенческих практик и мировоззрения учащихся, идущих вразрез с «институциональными ожиданиями» и способствующих «социальной дезорганизации» (в терминологии А. Козна [12]) системы государственных трудовых резервов в тот период, когда ей были присущи «необычные» (по М. Мэтьюзу) для профессионального образования черты и функции – от авторитарно-милитаризованного воспитания до социальной защиты [25, р. 183].

Система государственных трудовых резервов включала два базовых типа специали-

зированных учебных заведений – ремесленные (далее – РУ) и железнодорожные (далее – ЖУ) училища, осуществлявшие обучение квалифицированных рабочих «сложных профессий», и школы фабрично-заводского обучения (далее – ФЗО), направленные на подготовку рабочих массовых профессий низшей квалификации. Позднее появились другие новые виды училищ (механизации сельского хозяйства, горнопромышленные, специальные, технические, строительные, городские) и школ (горнопромышленные, строительные и др.).

При создании трудовых резервов в октябре 1940 г. были определены базовые требования к социально-демографическим характеристикам учащихся в зависимости от типа учебного заведения: городская и колхозная молодежь мужского пола в возрасте 14–15 лет – для обучения в РУ и ЖУ, 16–17 лет – в школах ФЗО.

Указанные отличительные черты системы государственных трудовых резервов 1940-х – первой половины 1950-х гг. в совокупности с внеисторическими особенностями, характеризующими положение молодежи как специфической социальной группы, обусловили проявление среди учащихся ряда важных для характеристики их «непарадного портрета» противоречий:

- между расцветом интеллектуальных и физических сил и ограниченными возможностями для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей (так, в документах трудовых резервов и научных работах неоднократно подчеркивалась недостаточность воспитательной работы; например, «досуг учащихся был весьма однообразным, зачастую с пассивным участием молодежи» [24, с. 157]);

- между установкой на личное и общественное благополучие и недостаточной осознанностью ценности собственной жизни, что приводило к неоправданному риску и частым несчастным случаям;

- между осознанием собственных идеалов и жизненных (в том числе профессиональных) планов и невозможностью их полноценной реализации в условиях жесткой регламентированности всех элементов деятельности системы государственных трудовых резервов. Так, частыми причинами прогулов занятий и даже побегов из учебных заведений трудовых

резервов было распределение учащихся по профессиям без учета их пожеланий и склонностей. Например, учащийся группы каменщиков Свердловской школы ФЗО № 9 откровенно заявлял инструктору обкома: «В песне поется: “Молодым – везде у нас дорога...” а меня заставляют быть каменщиком, хотя я не хочу» [19, с. 196];

– между желанием скорее освободиться от мелочной опеки родителей, мастеров, воспитателей и трудностями социальной и психологической адаптации к условиям самостоятельной жизни. Например, в одном из ведомственных отчетов 1947 г. причины побегов учащихся и выпускников учебных заведений трудовых резервов объяснялись тем, что «резкий переход от школьного режима к самостоятельной жизни вне семьи и работе на производстве нередко вызывает временные трудности» [11, с. 301];

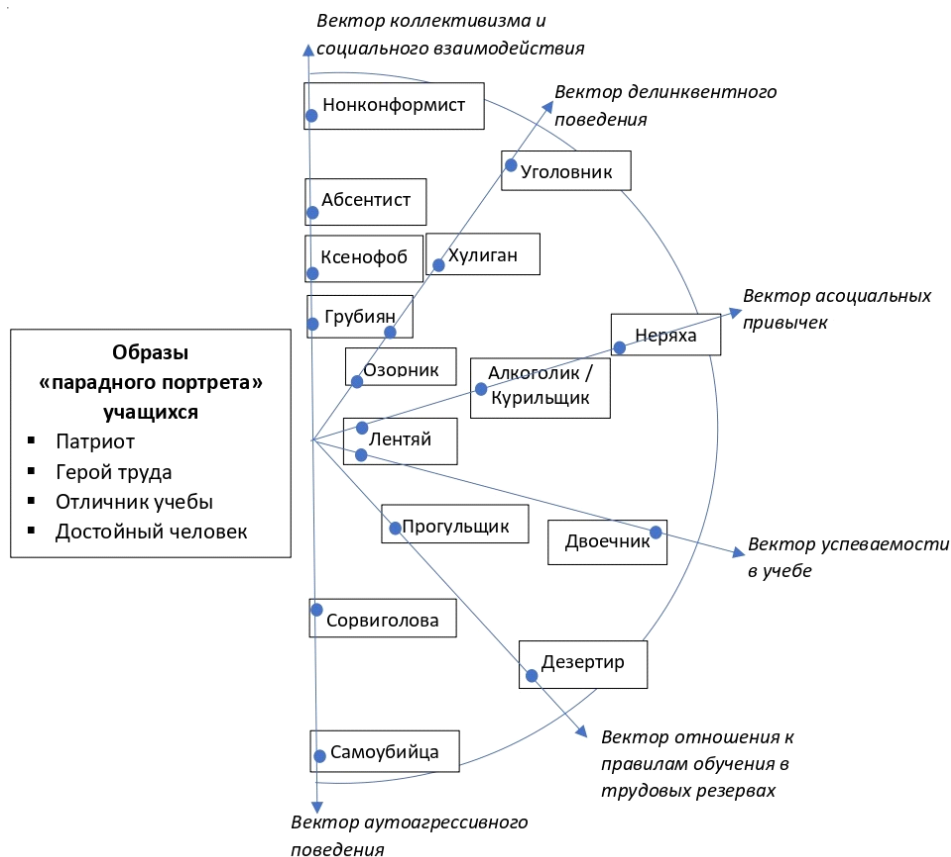
– между подростковым эгоцентризмом, с одной стороны, и повышенным конформизмом к группе сверстников – с другой, что спо-

собствовало включению учащихся в криминальные субкультуры;

– между стремлением самим сделать свой выбор и отсутствием желания и возможности нести ответственность за его последствия (особенно в условиях характерной для трудовых резервов системы государственного патернализма, в которой «семья-государство кормила и одевала, обучала и лечила, и естественный сыновний долг – изо всех сил помогать этой большой семье – становился шаблоном социального поведения учащихся» [3, с. 83]).

Выделенные возрастные особенности и противоречия обуславливают полимотивированность, разнообразие и вариативность проявлений «непарадности» в среде учащихся государственных трудовых резервов, которая отражается в поведенческих практиках, неоднократно фиксируемых в официальных документах, как нарушения установленных правил и распорядительных актов (см. рисунок).

Методы и материалы. Характеристики поведенческих практик исходя из дихото-

Типы «непарадности» учащихся учебных заведений системы государственных трудовых резервов
Types of “non-ceremonial” students of educational institutions of the state labor reserves system

мии «норма / аномалия», использованной Н.Б. Лебиной в качестве методологического подхода к изучению советской повседневности [13, с. 9], применительно к реконструкции типов «непарадности» учащихся (в отличие от их «парадного портрета») представляется нам недостаточно развернутой и подробной. Теория субкультурного мировоззрения помогает распределить типы «непарадных» проявлений по векторам приспособления к культурным нормам, принятым в конкретном социуме от частичного или слабовыраженного до альтернативного или экстремального.

Модель «непарадного портрета» учащихся трудовых резервов предполагает во многих случаях использование шкалы, отражающей степень отклонения поведенческих практик и культурных ценностей учащихся от идеала – образов «парадного портрета» учащихся. По степени отклонения от «парадности» возможна идентификация девиантных практик и ценностей учащихся на трех уровнях: 1) «экстремальный» (поведенческие практики и ценности учащихся в исключительной степени противоречат социальным нормам и «институциональным ожиданиям», сведения о них отражаются в распорядительной документации государственных трудовых резервов и материалах надзорно-карательных органов); 2) «медианный» (практики, которые трактовались системой трудовых резервов как «вредные», но не несущие непосредственной угрозы выполнению основных учебных и производственных задач, отражались в протоколах партийных и комсомольских собраний, стенограммах совещаний руководителей учебных заведений, докладных записках, материалах СМИ); 3) «слабовыраженный» (скрытые от официальных структур формы повседневности, которые квалифицировались системой как «нежелательные», но «не угрожающие», поэтому слабо отраженные в официальных делопроизводственных документах и упоминаемые преимущественно в источниках личного происхождения, в том числе в эго-документах).

Исследование основано преимущественно на делопроизводственной документации (протоколы совещаний, приказы, инструктивные письма и т. д.) Главного и Свердловского регионального управлений трудовых резервов, раскрывающей реальную ситуацию и негатив-

ные стороны повседневной действительности в учебных заведениях, что позволяет выявить наиболее устойчивые девиантные поведенческие практики учащихся, являющиеся внешним выражением их «непарадного» портрета.

Анализ. Все проанализированные нами типы «непарадности» учащихся увязаны с конкретными направлениями (векторами) отклонения их поведенческих практик и ценностей от идеальных образцов, при этом направленность каждого вектора предполагает движение от «слабовыраженного» к «экстремальному» уровню «непарадности». В предложенной нами модели выделены шесть векторов:

1) коллективизма и социального взаимодействия – отражает вовлеченность учащихся в коллективные формы социального взаимодействия в формальных и неформальных группах;

2) делинквентного поведения – связан с преступным, криминальным поведением, противоречащим нормам административного и уголовного права;

3) асоциальных привычек – предполагает наличие у учащихся выраженных аддикций / зависимостей (азартные игры, табакокурение, алкоголизм и пр.) или асоциальных привычек (неряшливый внешний вид и т. д.);

4) успеваемости в учебе – связан со степенью вовлеченности и успешности освоения учащимися программы теоретического и производственного обучения;

5) отношения к правилам обучения в трудовых резервах – проявляется в желании и намерении учащихся соблюдать базовые принципы пребывания в учебных заведениях;

6) аутоагрессивного поведения – выражается в повышенном риске получения (в результате несчастного случая) или причинения себе увечий, вплоть до совершения самоубийства.

Ниже мы охарактеризуем более детально некоторые из выделенных нами типов «непарадности»: уголовник, хулиган, озорник, прогульщик, неряха и нонконформист.

*Вектор «делинквентное поведение»
(уголовник – хулиган – озорник)*

Этот вектор в различных проявлениях наиболее полно и всесторонне отражен в офи-

циальных документах государственных трудовых резервов и правоохранительных органов СССР; в современной историографии отдельные исследователи также акцентируют внимание на характере и мотивах преступности в учебных заведениях системы профессионально-технического образования в 1940-х годах [1, с. 46; 26, р. 404].

Как отмечает, например, О. Кучеренко, учащиеся учебных заведений государственных трудовых резервов имели репутацию «опасных и неисправимых хулиганов и воров», и некоторые реально соответствовали этому образу – особенно дурной славой пользовались ученики школ ФЗО, «иногда объединявшиеся в банды грабителей, насильников и бессердечных убийц», что объясняется массовым направлением в учебные заведения в период Великой Отечественной войны бывших беспризорников и освобожденных из колоний несовершеннолетних преступников, которые «деморализовывали и развращали других учеников» [26, р. 405].

На экстремальном уровне «непарадности» в векторе делинквентного поведения находится тип уголовника – учащегося, который принадлежит к своеобразной криминальной субкультуре и ориентирован в своей деятельности на умышленное совершение тяжких преступлений (убийство, грабеж, разбой и пр.), однозначно влекущих привлечение к уголовной ответственности.

Тип уголовника широко распространился в учебных заведениях государственных трудовых резервов в связи с массовой мобилизацией в 1942–1943 гг. несовершеннолетних преступников, освобожденных от отбывания наказания в лагерях и колониях НКВД. Например, в телеграмме Челябинского областного управления трудовых резервов описаны бесчинства в эшелоне, перевозящем в декабре 1942 г. 300 освобожденных несовершеннолетних преступников из Саратовской области в Челябинск: «[в] пути следования эта молодежь занималась грабежами[. при] отъезде [из] Энгельса ограбили пассажиров[.] буфет станции[.] свой эшелон. [На] первой остановке взломали вагон воинского эшелона[.] украли 6 свиных туш, 7 ящиков колбасы, пшено, муку [...] меняли [на] водку[.] похитили [и] зарезали барана. [На] следующей станции ограбили воинский эшелон [-] чай,

муку, пшено, масло [и] 40 тыс[яч] рублей деньгами. [В] Карталах ограбили вагон [с] табаком [...]. Эта молодежь направлена [в] школы ФЗО с предупреждением» [10, л. 38].

Вместе с тем уголовная субкультура была широко распространена среди учащихся и после прекращения массовых мобилизаций в училища и школы ФЗО несовершеннолетних преступников – в распорядительных документах главного и региональных управлений трудовых резервов, информационных сообщениях правоохранительных органов второй половины 1940-х – первой половины 1950-х гг. постоянно упоминались случаи совершения учащимися убийств, грабежей, разбойных нападений, поножовщины, крупных краж, изнасилований и т. д. Так, в информации МВД за 1949 г. отмечалось, что уголовная преступность среди учащихся школ ФЗО, РУ и ЖУ в целом по СССР «продолжает оставаться большой», ими совершается свыше 10 % всех уголовных преступлений среди несовершеннолетних (а в группе 16–18-летних – даже 17 %), так как «при наборах в число учащихся просачиваются лица, в прошлом судившиеся, а также имеющие связи с преступной средой, которые подчиняют своему влиянию малоустойчивых подростков, морально разлагают их и толкают на преступления» [7, л. 176].

Под хулиганом (отличающимся от типа уголовника) в данной работе мы понимаем тип учащегося, который систематически грубо нарушает установленный общественный порядок, в том числе правила внутреннего распорядка учебного заведения, не совершая при этом тяжких преступлений, продолжая «обучаться» в учебном заведении, не подвергаясь уголовной ответственности. В качестве распространенных хулиганских действий учащихся в официальных документах трудовых резервов отмечались:

– дебош («учащимся был подан обед с запахом керосина, в знак протеста они устроили дебош, срывали со столов клеенки, переворачивали столы, выражались нецензурными словами» [7, л. 120] – г. Мытищи Московской обл., 1949 г.; «продав полученные ими на рынке носки, [учащиеся] напившись водки, пришли пьяные в школу, устроили дебош и побили стекла в здании школы» [6, л. 158] – Иркутская обл., 1945 г.);

– хулиганство в общественных местах и на улице, например, бросание камнями в прохожих (г. Красноуральск, 1955 г.) [5, л. 128];

– «издевательства хулиганов над примерными учащимися» [2, л. 85] (Архангельская обл., 1950 г.);

– драки среди учащихся, в том числе массовые побоища [4, л. 92–93; 9, л. 48] («если мы спим, а где-либо начинается драка, то вся школа должна бежать к месту драки и принимать участие. Если же кто не пойдет на драку, то его изобьют эти же товарищи» – г. Красноуральск, 1955 г. [5, л. 124 об]).

Следует отметить, что в стенограммах совещаний руководителей управления трудовых резервов с заместителями директоров по политической части РУ, ЖУ и школ ФЗО Свердловской области содержались неоднократные призывы отличать от хулиганства «озорство», «юношество», «ребячество», то есть поведение учащихся, связанное с различными нарушениями правил внутреннего распорядка (от безобидных до граничащих с хулиганством), обусловленное особенностями подросткового возраста: залезть на стол, «устроить шум» на теоретическом занятии, бросание подушек, кидание в столовой хлебом и т. д. [21, л. 51–52; 22, л. 89, 95, 100].

В художественной литературе также отражен тип учащегося-озорника, который ведет себя несерьезно, балуется, совершает забавные (и не очень) поступки, шалости, проказы. Например, в повести И.М. Меттера «Товарищи» (1952 г.) о повседневной жизни учащихся Московского РУ № 28 в образе главного героя Мити Власова проявляются отдельные черты озорника: «У Власова есть недостатки, которые надо искоренять. Взрослый человек, пятнадцать лет, имеет третий разряд, а в столовую скатывается по перилам с четвертого этажа. Это несерьезно, и с этим пора кончать. В умывалке брызгаться водой тоже не дело. Ты не ребенок, Митя Власов» [15, с. 77]. Менее забавные шалости проявляли и другие учащиеся: «Митю уже предупредили, что среди второклассников иногда попадают отчаянные парни, которым ничего не стоит сорвать с новичка фуражку или, походя, смазать его по затылку. Один из них и ущипнул Митю на переключке» [15, с. 27].

Вектор «отношение к учебе» (прогульщик)

Среди поведенческих практик, являющихся неотъемлемой частью «парадного портрета» учащихся государственных трудовых резервов, важнейшая роль отводилась обязанности посещать занятия и серьезно относиться к учебе. Так, в правилах внутреннего распорядка учебных заведений 1947 г. отмечалось, что учащиеся РУ, ЖУ и школ ФЗО обязаны «упорно и настойчиво учиться, чтобы стать квалифицированными и культурными рабочими и принести как можно больше пользы своей Советской Родине» [20, л. 1].

В официальных документах (приказы по основной деятельности, акты обследования учебных заведений, стенограммы совещаний) Главного (с 1946 г. – Министерство) и Свердловского регионального управления трудовых резервов СССР 1940–1950-х гг. часто упоминается об отступлении учащихся от этих требований – совершении ряда действий, характеризующих их акторов как прогульщиков:

- самовольные отлучки (в том числе коллективные) из учебного заведения без предупреждения в свободное от занятий время (особенно в праздничные и выходные дни);
- опоздание на занятия;
- эпизодическое непосещение отдельных занятий;
- систематические прогулы, то есть отказ от посещения учебно-производственных занятий без какой-либо уважительной причины или разрешения [6; 21–23].

Прогулы занятий учащимися учебных заведений трудовых резервов были обусловлены различными факторами: недовольством «выбором» будущей профессии; необеспеченностью спецодеждой и обувью; неудовлетворительными жилищно-бытовыми условиями; физическими и психологическими особенностями самих учащихся; слабым надзором и контролем со стороны администрации; принадлежностью учащегося к определенной субкультуре и групповым давлением. В попытке обойти официальные и неформальные механизмы контроля посещаемости учащиеся стремились оправдать допущенные ими единичные случаи нарушения дисциплины (опоздания и прогулы занятий) уважительными или

объективными причинами: отсутствием необходимой одежды и обуви, задержкой с получением питания в столовой, заболеванием и т. д. Например, в информационных сведениях (политдонесении) Мурманского областного управления трудовых резервов в 1949 г. отмечалось, что «во всех школах десятки учащихся симулируют болезнь и не выходят на производственное обучение... Симулируя болезнью, некоторые учащиеся... требуют врача для осмотра состояния здоровья. Когда был проведен осмотр и они были признаны совершенно здоровыми, эти учащиеся заявили, что «врачи ничего не понимают» [8, л. 43].

В переписке центрального аппарата Министерства трудовых резервов с другими ведомствами первой половины 1950-х гг., основанной на рассмотрении жалоб и обращений учащихся, иногда упоминаются исключительные случаи, связанные с массовыми прогулами учащихся, как результат коллективного сговора и группового давления. О подобных коллективных прогулах занятий упоминается, например, в письме мастеров Красноуральской школы ФЗО № 1 в газету «Труд»: «Учащиеся систематически не посещают п[роизводственное] о[бучение]. Как они выражаются, “бастуем”. Так гр[уппа] м[асте]ра Закирова не выходила в начале февраля [1955 г.] 7 дней и перед этим 3 дня. А журналы заполнены. Без потерь [учебных занятий]» [5, л. 127]. В письме ЦК ВЛКСМ приводится факт массовой забастовки учеников РУ № 11 г. Щербакова (ныне Рыбинск) Ярославской области – 22 февраля 1950 г. после появления в училище листовок, «в которых указывалось, что “объявляется 2-х дневная забастовка и голодовка”», 150 человек учащихся закрылись в своих комнатах, «отказались от завтрака и не явились на занятия», проигнорировав «неоднократные требования дирекции» и «просьбу секретаря Щербаковского горкома партии т. Смирновой», только силовые действия администрации училища позволили восстановить порядок [18, л. 2].

При этом четко прослеживается связь прогулов с вектором успеваемости в учебе (типом двоечника) – например, в вышеупомянутом Щербаковском РУ № 11 только за первую четверть 1949/50 учебного года было зарегистрировано 7 897 случаев самовольных

уходов и отлучек (на 550 человек учащихся), в результате плохой посещаемости в училище насчитывалось более 80 человек неуспевающих [18, л. 3].

Вектор «асоциальные привычки» (неряха)

С точки зрения «парадного портрета» учащийся государственных трудовых резервов безусловно «должен иметь бодрый и подтянутый вид, всегда быть опрятным и аккуратным, по форме одетым» [20, л. 1], поэтому любые проявления учениками неряшливости требовали жесткой реакции со стороны руководства учебных заведений. В документах Свердловского областного управления трудовых резервов 1940-х гг. постоянно упоминается тип неряхи – учащегося, который не следит за своей внешностью и одеждой, не соблюдает правила личной гигиены, нарушает требования чистоты и порядка в помещениях: «в столовых обедают в одежде, руки не моют», «забыли о таких вещах, как зубной порошок», «ходят неряшливыми, расстегнутыми», «заходят в комнаты в верхней одежде, в результате постельные принадлежности черные от грязи», «в комнате № 21 грязно, на полу валяются окурки папирос, корки, кости, бумага, учащиеся в этой комнате спят в верхней одежде» [10, л. 26, 28; 23, л. 5–6].

В художественной литературе также упоминается образ учащегося-неряхи – например, в повести Владимира Пистоленко «Товарищи», посвященной описанию жизни учеников оренбургского РУ в годы Великой Отечественной войны. Руководители училища, осматривая комнату учащихся – передовиков производства, отметили вопиющий беспорядок: «...посмотрите, что творится в этой комнате. Полный беспорядок! Кровати заправлены наспех, в тумбочках – вы только взгляните! – как на свалочной куче у Плюшкина. На столе крошки... вон в углу какие-то бумажки валяются. Чаще всего так выглядят комнаты новичков, только что пришедших в училище» [17, с. 12].

Тенденция связывания образа неряхи именно с новичками (особенно мобилизованными из других отдаленных регионов) находит отражение не только в произведениях художественной литературы, но и в официаль-

ных документах – так, в стенограмме пятого совещания зам. директоров по политической части училищ и школ ФЗО Свердловской области (январь 1943 г.) воспитатель Серовского РУ № 5 Астраханцева неоднократно подчеркивала проявления неряшливости у девушек, мобилизованных в училище из Калининской области, которые изначально «были отсталые и забитые, страшно некультурные» (в отличие от серовских ребят, находившихся «по своему развитию выше»): «В том общении, где они жили, царил страшная грязь, они не имели понятия спать на простынях, мыть ежедневно пол... имели такой уровень, что часто были растрепаны, у девочек можно было встретить нештопанные чулки, порванное платье» [21, л. 68, 70]. В этой связи следует отметить, что в некоторых научных работах, посвященных повседневности отдельных социальных групп в 1940-е гг. (например, в статье Ш. Пилинг (Siobhan Peeling) о городской идентичности послевоенного Ленинграда), подчеркивается тенденция патологизации локальным сообществом образа приезжего, мигранта, как потенциального поллютанта (загрязнителя) местной идентичности, нарушителя общественной гигиены, «являющегося источником антисанитарии, а также отклонения от принятых норм» [16, с. 347].

*Вектор «коллективизм
и социальное взаимодействие»
(нонконформист)*

Наиболее ярким проявлением «непарадности» в сфере социального взаимодействия учащихся нам представляется нонконформизм, то есть стремление личности активно отстаивать собственные убеждения и придерживаться моделей поведения, противоречащих официально культивируемым в государственных трудовых резервах установкам, взглядам, традициям, ценностям и нормам. Ограниченная источниковая база затрудняет реконструкцию целостного образа ученика-нонконформиста. Исключения составляют лишь немногочисленные эпизоды, связанные с трагедиями (несчастный случай, самоубийство, убийство), причины которых кроются в независимой личности и протестном поведении жертвы. Как правило, подобные случаи тщательно расследо-

вались и подробно документировались, что позволяет всесторонне охарактеризовать образ учащегося-нонконформиста.

Остановимся подробно на одном из таких эпизодов – самоубийстве в январе 1955 г. Василия К., 18-летнего ученика группы трактористов-механиков Топкинского училища механизации сельского хозяйства № 3 (Кемеровская обл.). Как показывают документы, созданные в ходе проведенного трудовыми резервами расследования, комсомолец К. окончил Свердловское РУ № 2 и в мае 1954 г. по собственному желанию прибыл в Топкинское училище для продолжения обучения, учился хорошо, аккуратно посещал занятия, был целеустремленным – каждый день после занятий вместе с товарищами делал уроки, не допускал нарушения правил внутреннего распорядка и не имел письменных замечаний, однако в последнее время стал отставать в учебе и проявлять недисциплинированность – «невнимательно вести себя на уроках, отвлекался посторонними делами, читал художественную литературу» [14, л. 27]. По показаниям мастера группы, К. «всегда старался объяснить свою недисциплинированность жесткими требованиями в училище со стороны руководителей и неправильными порядками в училище» [14, л. 32]. Из анализа других документов дела нам представляется вероятным, что побудительными мотивами нонконформистского поведения ученика, разочарованного царящим в училище формализмом, казенщиной и бездушным отношением администрации, являлись обостренное чувство справедливости, юношеский максимализм и принципиальность.

К характерным чертам типа нонконформиста относится протестное поведение – проявления строптивости и бунтарства. Так, например, физкультурный руководитель отмечал, что К. «на уроках физподготовки очень часто не выполнял команд. Или встанет в строй не на свое место, или руки в карман с приподнятым воротником, или по команде “равняйся” смотрит в потолок. На утренних подъемах вел себя по-разному: то он не хочет делать утреннюю гимнастику. Были случаи, когда он сам с ребятами с охотой проведет физзарядку» [14, л. 31].

Другой характеристикой данного типа, отраженной в документах о расследовании самоубийства К., является готовность индивида

отстаивать свою личную позицию, публично поставив под сомнение непререкаемый в трудовых резервах авторитет мастера, преподавателя или руководителя учебного заведения: «К. опоздал на урок. На урок не был допущен. Преподаватель послал работать на улицу, на что К. не согласился и был выгнан как бы за грубость с преподавателем. К. сказал: “Лучше расстреляйте, но не пойду на работу в сапогах в такую [холодную] погоду”» [14, л. 36].

Оставляя за пределами нашего рассмотрения непосредственные причины и обстоятельства самоубийства учащегося К., отметим только, что как сам случай, ставший триггером для трагедии, – конфликт с преподавателем, так и последующая за ним изощренная травля К. со стороны различных представителей администрации училища также могут служить иллюстрацией неконформизма и последствий такого поведения для типа неконформиста в условиях сложившейся в трудовых резервах практики унификации и жесточайшей регламентации деятельности учащихся.

Результаты. Таким образом, систематизация девиантных поведенческих практик привела к выделению 15 наиболее распространенных типов «непарадности» учащихся, обобщенных в виде модели.

В предложенной модели типы «непарадности» распределены по шести векторам девиации (отклонений) поведенческих практик и ценностей учащихся от идеальных образцов поведения. Каждый вектор отражает содержательную сторону девиации, связанную:

1) с индивидуализмом и ограниченностью социального взаимодействия; 2) криминальным поведением; 3) аддикциями и асоциальными привычками; 4) неуспеваемостью в учебе; 5) нарушениями правил внутреннего распорядка; 6) пренебрежением собственной жизнью и здоровьем. Векторная модель обеспечивает распределение типов «непарадности» в соответствии с уровневой шкалой, отражающей интенсивность проявления девиации (экстремальная – медианная – слабовыраженная). При этом существует тесная связь многих типов «непарадности» и характеризующих их поведенческих практик учащихся между собой как целостной системы. Содержательное описание шести типов «непарадности» учащихся (уголовник, хулиган, озорник, прогульщик, неряха и неконформист) демонстрирует жизнеспособность модели.

Рассмотренная в статье модель типов «непарадности» учащихся государственных трудовых резервов позволяет: во-первых, точнее охарактеризовать социокультурный облик «трудрезервовцев» как отдельной социальной группы не столько в контексте социально-демографических характеристик, сколько с позиции их поведенческих практик и ментальных установок; во-вторых, полнее отразить реальную картину жизни и деятельности учебных заведений «изнутри»; в-третьих, лучше представить проблемы пребывания учащейся молодежи в такой специфической мобилизационной и милитаризованной среде, как трудовые резервы, детерминировавшие изменение этой системы во второй половине 1950-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власов С. А. Детская и подростковая преступность в Приморском крае в годы Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура. 2020. № 2. С. 44–48. DOI: 10.24158/fik.2020.2.7
2. Директивные письма Министерства трудовых резервов. 13 января – 6 декабря 1950 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. С-9507. Оп. 2. Д. 212. 160 л.
3. Захаровский Л. В., Разинков С. Л. Воспитательная деятельность в учебных заведениях системы Государственных трудовых резервов СССР в 1940–1950-е годы // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 2. С. 79–88. DOI: 10.52944/PORT.2021.45.2.006
4. Информационные сведения МВД, органов прокуратуры, местных УТР о массово-политической и культурно-воспитательной работе с учащимися училищ и школ ФЗО. Т. I // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 382. 199 л.
5. Информационные сведения МВД, органов прокуратуры, местных УТР о массово-политической и культурно-воспитательной работе с учащимися училищ и школ ФЗО. Т. II // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 383. 167 л.
6. Информационные сведения местных УТР о массово-политической и культурно-воспитательной работе в училищах и школах ФЗО. Т. I // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 120. 201 л.

7. Информационные сведения местных УТР о массово-политической и культурно-воспитательной работе в училищах и школах ФЗО; справки МВД о преступности среди учащихся училищ и школ ФЗО. Т. I // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 236. 203 л.
8. Информационные сведения местных УТР о массово-политической и культурно-воспитательной работе в училищах и школах ФЗО; справки МВД о преступности среди учащихся училищ и школ ФЗО. Т. II // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 237. 46 л.
9. Информационные сведения местных УТР о массово-политической и культурно-воспитательной работе в училищах и школах ФЗО; справки МВД о преступности учащихся // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 367. 87 л.
10. Информационные сведения Наркомата юстиции, Прокуратуры СССР и др. о нарушениях трудовой дисциплины, преступлениях, совершенных учащимися училищ и школ ФЗО // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 52. 118 л.
11. Клинова М. А. Учебные заведения системы трудовых резервов: методы и результаты решения кадровых проблем советской индустрии в послевоенные годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19, № 3. С. 298–303. DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-3-298-303
12. Козн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. М.: Прогресс, 1965. С. 519–550.
13. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 488 с.
14. Материалы о несчастных случаях с учащимися училищ механизации сельского хозяйства районов Урала, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии (докладные записки, справки, акты, переписка) // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 386. 83 л.
15. Меттер И. Товарищи. М.; Л.: Детгиз, 1953. 141 с.
16. Пилинг Ш. Перемещения, девиантное поведение и городская идентичность: мигранты в Ленинграде в конце Второй мировой войны // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 345–358.
17. Пистоленко В. И. Товарищи. М.: Детгиз, 1963. 352 с.
18. Письма, замечания ЦК ВЛКСМ по работе трудовых резервов // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 260. 16 л.
19. Постников С. П., Фельдман М. А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 230 с.
20. Правила внутреннего распорядка училищ и школ ФЗО. 15 марта 1947 г. // Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 20. 1 л.
21. Стенограмма совещания Главного управления трудовых резервов с заместителями директоров по политчасти училищ и школ. 25 января 1943 г. // ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 12. 158 л.
22. Стенограмма совещания Облуправления трудовых резервов с заместителями директоров по политчасти школ и училищ. 5–7 марта 1941 г. // ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 5. 128 л.
23. Стенографический отчет Областного совещания директоров ремесленных училищ и школ ФЗО. 11–12 марта 1945 г. // ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 14. 172 л.
24. Чернышева Н. В. Мобилизация молодежи Кировской области в систему трудовых резервов (1940–1955 гг.) // История: факты и символы. 2018. № 3. С. 151–159. DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-151-159
25. Korol V. N. The Educational Institutions of the State Labour Reserves System of the USSR: Western Historiography of the Issue // Журнал Министерства народного просвещения. 2016. Т. 10, № 4. С. 181–186. DOI: 10.13187/zhmnp.2016.10.181
26. Kucherenko O. State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labor During World War II // The Russian Review. 2012. № 71. P. 391–412. DOI: 10.1111/j.1467-9434.2012.00660.x

REFERENCES

1. Vlasov S.A. Detskaya i podrostkovaya prestupnost v Primorskom kraye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Children's and Juvenile Delinquency in Primorsky Krai During the Great Patriotic War]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2020, no. 2, pp. 44–48. DOI: 10.24158/fik.2020.2.7
2. Direktivnye pisma Ministerstva trudovykh rezervov. 13 yanvarya – 6 dekabrya 1950 g. [Directive Letters of the Ministry of Labor Reserves. January 13 – December 6, 1950]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* (hereinafter – GARF) [State Archives of the Russian Federation], f. С-9507, inv. 2, d. 212. 1601.
3. Zakharovskiy L.V., Razinkov S.L. Vospitatelnaya deyatel'nost v uchebnykh zavedeniyakh sistemy Gosudarstvennykh trudovykh rezervov SSSR v 1940–1950-ye gody [Educational Activities in Educational Institutions of the USSR State Labor Reserves System in 1940–1950s]. *Professionalnoye obrazovaniye i rynek truda* [Vocational Education and Labor Market], 2021, no. 2, pp. 79–88. DOI: 10.52944/PORT.2021.45.2.006

4. Informatsionnye svedeniya MVD, organov prokuratury, mestnykh UTR o massovo-politicheskoy i kulturno-vospitatelnoy rabote s uchashimisya uchilisch i shkol FZO. T. I [Information from the Ministry of Internal Affairs, Prosecutor's Offices, and Local Educational Institutions on Mass Political and Cultural-Educational Work with Students of Vocational Schools and Colleges. Vol. 1]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 382. 199 l.
5. Informatsionnye svedeniya MVD, organov prokuratury, mestnykh UTR o massovo-politicheskoy i kulturno-vospitatelnoy rabote s uchashimisya uchilisch i shkol FZO. T. II [Information from the Ministry of Internal Affairs, Prosecutor's Offices, and Local Educational Institutions on Mass Political and Cultural-Educational Work with Students of Vocational Schools and Colleges. Vol. 2]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 383. 167 l.
6. Informatsionnye svedeniya mestnykh UTR o massovo-politicheskoy i kulturno-vospitatelnoy rabote v uchilischakh i shkolakh FZO. T. I [Information from the Ministry of Internal Affairs, Prosecutor's Offices, and Local Educational Institutions on Mass Political and Cultural-Educational Work with Students of Vocational Schools and Colleges. Vol. 1]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. R-9507, inv. 5, d. 120. 201 l.
7. Informatsionnye svedeniya mestnykh UTR o massovo-politicheskoy i kulturno-vospitatelnoy rabote v uchilischakh i shkolakh FZO; spravki MVD o prestupnosti sredi uchashikhsya uchilisch i shkol FZO. T. I [Information from Local UTRs on Mass-Political and Cultural-Educational Work in Colleges and Schools of Vocational Education; Reports from the Ministry of Internal Affairs on Crime Among Students of Colleges and Schools of Vocational Education. Vol. 1]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 236. 203 l.
8. Informatsionnye svedeniya mestnykh UTR o massovo-politicheskoy i kulturno-vospitatelnoy rabote v uchilischakh i shkolakh FZO; spravki MVD o prestupnosti sredi uchashikhsya uchilisch i shkol FZO. T. II [Information from Local UTRs on Mass-Political and Cultural-Educational Work in Colleges and Schools of Vocational Education; Reports from the Ministry of Internal Affairs on Crime Among Students of Colleges and Schools of Vocational Education. Vol. 2]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 237. 46 l.
9. Informatsionnye svedeniya mestnykh UTR o massovo-politicheskoy i kulturno-vospitatelnoy rabote v uchilischakh i shkolakh FZO; spravki MVD o prestupnosti uchashikhsya [Information from Local UTRs on Mass-Political and Cultural-Educational Work in Colleges and Schools of Vocational Education; Reports from the Ministry of Internal Affairs on Crime Among Students]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 367. 87 l.
10. Informatsionnye svedeniya Narkomata yustitsii, Prokuratury SSSR i dr. o narusheniyakh trudovoy distsipliny, prestupleniyakh, sovershennykh uchashimisya uchilisch i shkol FZO [Information from the People's Commissariat of Justice, the USSR Prosecutor's Office, and Others on Violations of Labor Discipline and Crimes Committed by Students of Vocational Schools and Colleges]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 52. 118 l.
11. Klinova M.A. Uchebnye zavedeniya sistemy trudovykh rezervov: metody i rezultaty resheniya kadrovyykh problem sovetskoy industrii v poslevoynnyye gody [Educational Institutions of the System of Labor Reserves: Methods and Results of Solving Personnel Problems of the Soviet Industry in the Postwar Years]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Izvestia of the Saratov University. New Series. Series: History. International Relations], 2019, vol. 19, no. 3, pp. 298-303. DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-3-298-303
12. Koen A. Issledovaniye problem socialnoy dezorganizatsii i otklonyayushhegosya povedeniya [Study of the Problems of Social Disorganization and Deviant Behavior]. *Sociologiya segodnya* [Sociology Today]. Moscow, Progress Publ., 1965, pp. 519-550.
13. Leбина N.B. *Sovetskaya povsednevnost: normy i anomalii. Ot voyennogo kommunizma k bolshomu stilyu* [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From Military Communism to the Big Style]. Moscow, Novoye lit. obozreniye, 2015. 488 p.
14. Materialy o neschastnykh slychayakh s uchashimisya ushilisch mehanizatsii selskogo khozyastva rayonov Urala, Sibiri, Dalnego Vostoka i Sredniy Azii (dokladnye zapiski, spravki, akty, perepiska) [Materials on Accidents Involving Students of Agricultural Mechanization Schools in the Urals, Siberia, the Far East and Central Asia (Reports, Certificates, Reports, Correspondence)]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 386. 83 l.
15. Metter I. *Tovarishhi* [Comrades]. Moscow; Leningrad, Detgiz, 1953. 141 p.
16. Piling Sh. Peremeshheniya, deviantnoye povedeniye i gorodskaya identichnost: migranty v Leningrade v kontse Vtoroy mirovoy voyny [Displacement, Deviant Behavior and Urban Identity: Migrants in Leningrad at the End of the Second World War]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2010, no. 13, pp. 345-358.
17. Pistolenko V.I. *Tovarishhi* [Comrades]. Moscow, Detgiz, 1963. 352 p.
18. Pisma, zamechaniya TsK VLKSM po rabote trudovykh rezervov [Letters and Comments from the Central Committee of the Komsomol on the Work of Labor Reserves]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 260. 16 l.

19. Postnikov S.P., Feldman M.A. *Gosudarstvo i professionalnaya podgotovka rabochikh kadrov promyshlennosti Urala v 1900–1940 gg.* [The State and Professional Training of Industrial Workers in the Urals in 1900–1940]. Yekaterinburg, UrO RAN, 2004. 230 p.
20. Pravila vnutrennego rasporyadka uchilisch i shkol FZO. 15 marta 1947 g. [Internal Regulations of Colleges and Schools of Factory Training. March 15, 1947]. *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti* (hereinafter – GASO) [State Archives of the Sverdlovsk Region], f. R-2033, inv. 1, d. 20. 1 l.
21. Stenogramma soveshaniya Glavnogo upravleniya trudovykh rezervov s zamestitelyami direktorov po politichasti uchilisch i shkol. 25 yanvarya 1943 g. [Transcript of the Meeting of the Main Directorate of Labor Reserves with Deputy Directors for Political Affairs of Colleges and Schools. January 25, 1943]. *GASO* [State Archives of the Sverdlovsk Region], f. R-2033, inv. 1, d. 12. 158 l.
22. Stenogramma soveshaniya Oblupravleniya trudovykh rezervov s zamestitelyami direktorov po politichasti shkol i uchilisch. 5–7 marta 1941 g. [Transcript of a Meeting of the Regional Directorate of Labor Reserves with Deputy Directors for Political Affairs of Schools and Colleges. March 5–7, 1941]. *GASO* [State Archives of the Sverdlovsk Region], f. R-2033, inv. 1, d. 5. 128 l.
23. Stenograficheskiy otchet Oblastnogo soveshaniya direktorov remeslennykh uchilisch i shkol FZO. 11–12 marta 1945 g. [Verbatim Report of the Regional Meeting of Directors of Vocational Schools and Factory Education Schools. March 11–12, 1945]. *GASO* [State Archives of the Sverdlovsk Region], f. R-2033, inv. 1, d. 14. 172 l.
24. Chernysheva N.V. Mobilizatsiya molodezhi Kirovskoy oblasti v sistemu trudovykh rezervov (1940–1955 gg.) [Mobilization of Youth of Kirov Region in the System of Labor Reserves (1940–1955)]. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], 2018, no. 3, pp. 151–159. DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-151-159
25. Korol V.N. The Educational Institutions of the State Labour Reserves System of the USSR: Western Historiography of the Issue. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 2016, no. 4 (10), pp. 181–186. DOI: 10.13187/zhmnp.2016.10.181
26. Kucherenko O. State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labor During World War II. *The Russian Review*, 2012, no. 71, pp. 391–412. DOI: 10.1111/j.1467-9434.2012.00660.x

Information About the Authors

Sergey L. Razinkov, Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russian Federation, sergerazinkov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0018-7931>

Tatiana A. Zaglodina, Candidate of Science (Sociology), Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology, and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University, Kosmonavtov St, 26, 620091 Yekaterinburg, Russian Federation, tz1708@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1689-1552>

Marina B. Larionova, Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Automated Systems for Administrative Documentation Support, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, Bld. 6, 125047 Moscow, Russian Federation, marin.lar@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4969-0527>

Информация об авторах

Сергей Львович Разинков, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, sergerazinkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0018-7931>

Татьяна Алексеевна Заглодина, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и культурологии, Уральский государственный педагогический университет, ул. Космонавтов, 26, 620091 г. Екатеринбург, Российская Федерация, tz1708@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1689-1552>

Марина Бариевна Ларионова, кандидат исторических наук, доцент кафедры автоматизированных систем документационного обеспечения управления, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., 6, стр. 6, 125047 г. Москва, Российская Федерация, marin.lar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4969-0527>